

Досаева Александра Анатольевна

бакалавр, студентка

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»

г. Калининград, Калининградская область

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ АБЬЮЗА В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация: в статье поднимается вопрос употребления понятия абьюза исследователями как синонима психологического насилия в межличностных отношениях, из-за чего формируются стереотипы в подходе к его изучению. Из-за попытки отнести абьюз исключительно к близким отношениям теряется специфика формирования личности, устанавливающей абьюзивные связи в различных сферах жизни, возникают трудности в определении истоков такого поведения. Сложность также представляет и взгляд на принятое деление «жертвы» и «абьюзера» в отношениях, что затрудняет практическую работу с абюзом в исследовательской и консультативной практике. В том числе частично рассмотрена нехватка исследовательского инструментария.

Ключевые слова: абьюз, абьюзинг, абьюзер, жертва, психологическое насилие.

Несмотря на растущую популярность обсуждения абьюзивных отношений в медийном пространстве, проблема с улучшением качества, длительности романтических и брачных отношений продолжает обостряться. Также, исследователи отмечают наступивший кризис супружеской культуры [6], увеличение числа разводов в первые годы совместной жизни [1].

Проблемы в межличностных отношениях всегда представляли интерес, многие ученые посвятили этому свои труды – З. Фрейд, Э. Фром, К. Хорни, Э. Берн, С. Карпман, Р. Мэй, Б. и Д. Уайнхолды. Они, в свою очередь, предлагали концепции для рассмотрения проблем, с которыми сталкиваются любящие люди, но, зачастую, выдвинутые гипотезы либо теряют актуальность, либо не используются для изучения того же абьюза.

За счёт того, что многие материалы ссылаются на слово «abuse» в контексте романтических и брачных отношений [5; 8; 9], складывается ложное представление, что абьюз может встречаться исключительно в близких отношениях. Таким образом, возникают трудности в сопоставлении определения абьюза и инструментария для его изучения.

Истоки проблемы определения абьюза в том, что термин является заимствованным из английского языка. В связи с этим создаются некоторые сложности с пониманием термина и контекстом его употребления. Дословно «abuse» переводится как злоупотребление (наркотическими веществами, алкоголем), насилие над кем-либо (в т.ч. над собой), повреждение (в т.ч. самоповреждение), зависимое поведение [7]. Также есть некоторая путаница между понятиями абьюза и абьюзинга, в то время как в английском языке они представляют собой разные формы одного и того же слова. Соответственно, в первоначальном значении абьюз представляет собой именно насильственные действия, за счёт чего при изучении можно сосредоточиться на различных видах насилия: физического, сексуального, психологического и т. д. Как отмечает Ильин, «психологическое (эмоциональное) насилие – периодическое длительное или постоянное психическое воздействие на человека, вызывающее психическую травму или приводящее к формированию у него патологических свойств характера или же тормозящее развитие личности» [2]. Такое поведение может встречаться в различных сферах жизни, но из-за того, что абьюз чаще всего рассматривается именно в контексте романтических отношений, некоторые исследователи ошибочно предполагают, что понятие абьюза не применимо в остальных случаях [5].

Из-за этого возникает и следующая проблема – в попытке отнести абьюз к насильственному поведению исключительно в романтических отношениях, определение становится неоднородным, размытым, ограниченным, так как в отношениях может встречаться физическое, психологическое, сексуальное насилие и его другие формы [3]. Это создает дополнительные сложности, так как сосредотачиваясь на психологическом аспекте насилия в абьюзивных отношениях, проблемы в других сферах могут снова привести к такому же поведению,

несмотря на осведомленность участников отношений. В том числе, рассматривая абьюзивные отношения исходя из ролей «жертва абьюза» и «абьюзер», решить возникшие проблемы в консультировании становится практически невозможным, так как носители этих ярлыков сразу же сталкиваются со следующими стереотипами:

- абьюзер сверхвластен и способен контролировать каждый шаг жертвы;
- в случае неповиновения абьюзеру обязательно последует наказание;
- абьюзер всегда нестабилен;
- абьюзер всегда представляет угрозу [9].

Данные характеристики далеки от реальности, так как ни один человек не может обладать достаточным количеством ресурсов для осуществления полного контроля над жизнью другого, и именно это максималистское когнитивное искажение зачастую приписывают жертвам, ощущающим тотальную беспомощность и безвыходность ситуации, в которой они находятся [9].

Кроме того, Карпман, описывая процесс взаимодействия Жертвы и Преследователя, отмечает, что Преследователи ощущают себя ограниченными определенными рамками и правилами той системы, которую создают Жертвы, с целью исправления ошибок их беспомощности. В то время как Жертвы «большую часть времени тратят, жалуясь на жизненные трудности и непреодолимые препятствия, нежели на поиск новых решений и возможностей. Расплата для них часто состоит в том, что они подкрепляют свое убеждение в том, что они беспомощны, и что другие всегда будут эксплуатировать их слабости» [4, с. 28]

Если продолжать навешивать данные ярлыки в ходе парного консультирования, то у людей нет другого выхода, кроме как смириться с собственной беспомощностью и необходимости в опеке со стороны другого – идентичностью жертвы – или внутренней жадой насилия, из-за которой человека ничто не останавливает ради господства над другим человеком – идентичностью абьюзера. Это в корне противоречит основным принципам работы психолога: уважению достоинства человека, обратившегося за помощью, и признанию его как личности, способной самостоятельно принимать решения и изменять свою жизнь [14]. В том

числе, признавая лишь одну идентичность клиента, невозможно оценить истинных причин проблемы и воздействовать на них. Если не только клиент, но и психолог не опознает глубинный источник проблем, то они останутся вне поле зрения обоих и воздействовать на них в практической работе будет невозможно.

Исходя из описанных принципов, подходить к изучению абьюза и работе с ним стоит, учитывая вариативность поведения участников абьюзивных отношений.

Ещё одно популярное заблуждение об абьюзивных отношениях – в парадигме отношений «жертвы» и «абьюзера» напрашивается вывод, что обязательно одна сторона насильственно подавляет другую. На самом же деле, лишь 4% абьюзивных отношений приводят к событиям, угрожающим жизни. Более распространена другая форма абьюза, где оба участника отношений время от времени выходят из себя и конфликтуют, после чего проблема на время решается [16]. Это также необходимо учитывать в практической работе, так как помимо бытового и финансового совместного ведения дел, сформировались определенные привычки в общении. Такие привычки одновременно облегчают взаимодействие, делая более простым, и обедняют, так как не приводят к новому решению, не позволяют углубить отношения, посмотреть на возникающие проблемы с альтернативной точки зрения.

Наиболее широкой концепцией, охватывающей формирования абьюзивных отношений, их особенностей и специфику работы с ними, является теория созависимости. Само понятие созависимости охватывает характеристики присущие как жертвам, так и абьюзерам:

- неспособность дифференцировать свои мысли, чувства, потребности, страх перед ними;
- ощущение беспокойства и вины за свои проблемы;
- действия в угоду другому, желание осчастливить другого;
- желание заслужить любовь, доказать свою необходимость, поиск внешней оценки;
- отсутствие веры в том, что о себе можно позаботится самостоятельно;
- манипуляции, обида как способ получения чего-либо;

- заниженная самооценка, страх быть отвергнутым;
- отсутствие адекватных требований к другим;
- страх выражать настоящие чувства;
- ощущение принуждения в работе, сексе и т. д.;
- вера в то, что кто-то должен измениться для того, чтобы измениться самому.

Иными словами, любые методики, направленные на изучение вышеперечисленных характеристик по своей сути, изучают склонность к абьюзу в конкретной психологической сфере. Характеристики, принятые считать абьюзивными, можно изучить в том числе с помощью представлений. Например примитивные, нереалистичные представления, ведут к напряженности в браке [6], ригидные взгляды на «маскулинность» и «феминность» формируют негативное отношение к сексу [11]. Истоки такого поведения относятся к нарушению, происходящему в ранние годы жизни (2–3 года) на стадии отделения и обретения самостоятельности, формирования стереотипов о брачной, семейной жизни на основе родительской семьи. Если на этом этапе происходят затруднения по разным причинам – гиперили гипоопека, болезнь кого-то из семьи, в том числе алкоголизм, – в будущем человек затрудняется дифференцировать собственное «Я», испытывает трудности в познании мира и сближении с другими [10]. Всё это вызывает страх неизвестного, ощущение опасности, вне зависимости от половой принадлежности.

И хотя в зафиксированных случаях насильственные действия чаще совершаются мужчинами, существует и другая сторона вопроса – такие данные отражают лишь опыт тех людей, кто обратился в правоохранительные органы или за иной формой помощи. Как показывает опрос, эмоциональному абьюзу, сексуальному принуждению, stalkingу и обсессивному поведению подвергаются и мужчины, и женщины [13]. Этот вопрос также нешироко освещен из-за существующих убеждений, что мужчине стыдно быть слабым, быть жертвой. Из-за этого мужчины намного реже заявляют о случаях абьюза, сталкиваются с самостигматизацией и реже обращаются за помощью. При этом мужчины отмечают, что чаще подвергаются эмоциональному абьюзу со стороны женщин [15].

Кроме того, более грубое поведение мужчин подвержено сексуализации. В 2019 году были представлены результаты исследования, в котором выдвигалась гипотеза о том, что психопатические черты способствуют тому, чтобы мужчина являлся более социосексуальным по мнению женщин. Результаты показали, что психопатические черты (предъявляемая уверенность, властность и контроль) коррелируют с оценкой физической привлекательности мужчин. Анализ, включающий две выборки мужчин с естественным и более психопатическим типом поведения, показал, что больший рейтинг сексуальной привлекательности среди женщин был у более психопатичных мужчин [8].

Кроме того, абьюз сам по себе сложно оценить и зафиксировать в исследовательской работе, так как часто опросники составлены из общих вопросов, не отражающих специфику такого рода отношений, что также затрудняет изучение этого феномена. Поэтому существует ряд особенностей, которые необходимо учитывать в исследовательской и практической деятельности:

- абьюз связан с глубинными структурами личности, в том числе с усвоенными из детства родительскими формами поведения;
- абьюз проявляется разносторонне, в том числе по отношению к самому себе и своим потребностям;
- абьюз может быть проявлен в любой форме межличностных отношений, в том числе в стереотипах и представлениях о том, как необходимо себя вести в отношениях.

Список литературы

1. Иваненков С.П. Семейные отношения в ценностном пространстве современной молодежи / С.П. Иваненков, А.Ж. Кусжанова // Управленческое консультирование. – 2015. – №6 (78) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-otnosheniya-v-tsennostnom-prostranstve-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 25.12.2021).
2. Ильин Е.П. Насилие как психологический феномен / Е.П. Ильин // Univer-sum: Вестник Герценовского университета. – 2013. – №1 [Электронный ресурс].

– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-kak-psihologicheskii-fenomen> (дата обращения: 10.07.2022).

3. Карась И.С. Представления женщин, переживших насилие, о социально-психологической поддержке родственниками / И.С. Карась, А.В. Боровикова, А.В. Бабаджанова-Павлова // Клиническая и специальная психология. – 2017. – Т. 6. №3. – С. 47–61.

4. Карпман С. Жизнь, свободная от игр. – СПб.: Метанойя, 2016.

5. Клешня И.А. Роль преследователя как следствие абьюза / И.А. Клешня // Science Time. – 2019. – №12 (72). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-presledovatelya-kak-sledstvie-abyuza> (дата обращения: 10.07.2022).

6. Михайленко Т.Н. Культура студентов в сфере семейно-брачных отношений // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15536> (дата обращения: 06.01.2022).

7. Никошкова Е.В. Англо-русский словарь по психологии / Е.В. Никошкова. – М.: Аби Пресс, 2009. – С. 46.

8. Панина К.В. Абьюзер: кто это в отношениях / К.В. Панина, А.А. Куликова // NovaInfo. – 2021. – №123. – С. 49–50 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://novainfo.ru/article/18397> (дата обращения: 13.07.2022).

9. Садовникова А. Ф. Абьюзивные отношения как форма девиантного поведения / А.Ф. Садовникова // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – №49–3. – С. 96–98.

10. Уайнхолд Б.К. Освобождение от созависимости / Б.К. Уайнхолд, Дж. Б. Уайнхолд; пер. с англ. А. Чеславской. – М.: Класс, 2019.

11. Чернецкая Н.И. Личностные особенности женщин с негативными установками в сфере секса / Н.И. Чернецкая, И.А. Зырянова, Е.А. Кедярова [и др.] // Российский психологический журнал. – 2020. – №2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-zhenschin-s-negativnymi-ustanovkami-v-sfere-seksa> (дата обращения: 06.01.2022).

12. Brazil K.J., Forth A.E. Psychopathy and the Induction of Desire: Formulating and Testing an Evolutionary Hypothesis. *Evolutionary Psychological Science* 6, 64–81 (2020).

13. Carney M.M., Barner J.R. Prevalence of partner abuse: Rates of emotional abuse and control. *Partner Abuse*. 2012;3(3):286–335

14. Hadjistavropoulos T. Discussing and debating the American Psychological Association's ethical principles of psychologists and code of conduct. // *Ethics & Behavior* 30:4, 2020, 247–248.

15. Joshua G. Validating the experiences of emotionally abused men: a call to the profession. *Partner Abuse* 2019 10, 507–516.

16. Karakurt G., Silver K.E. Emotional abuse in intimate relationships: the role of gender and age. *Violence Vict.* 2013; 28 (5): 804–821.